

встреча для вас

Этот

„НЕ ПРОФЕССИЯ, А СОСТОЯНИЕ

ДУШИ...“

«Читала снова ваши стихи. До чего же я люблю их! И понимаю. Но любовь — действие, и кто бы сказал мне, что я могу для вас и для ваших стихов сделать в 86 лет в нашей литературе, — я бы сразу села за тетрадь. Именно тот тон, взгляд во все стороны, по всему кругу жизни. Все правильно, и ни единой фальшивой нотки.
Анастасия ЦВЕТАЕВА.»

Эти строки адресованы известному советскому поэту Евгению Михайловичу Виноурову. Он — человек большого жизненного опыта, участник Великой Отечественной войны, поэт-современник, популярный в нашей стране, известный за рубежом, поэт-гражданин, предъявляющий высокие нравственные требования к самому себе, к своим современникам. Русскую поэзию наших дней трудно представить без таких его стихотворений, как «Сережка с Малой Бронной...», «Моя любимая страна», «Я дневника не вел, я фантов не копил...» и других. Сегодня Евгений Михайлович отвечает на вопросы газеты «Комсомолец Кубани».

— Евгений Михайлович, когда началась Ваша литературная деятельность?

— Поэты моего поколения начали писать во время войны, печатались во фронтовых газетах. В прозе мои ровесники выступали позднее, и это естественно...

— Последний военный год был особенно поэтически продуктивен. Война, как океан, выплеснула на берег целую плеяду молодых поэтов. Когда мы пришли с фронта, пережитое распирало стихи, как жито — закрома. Поэты изнемогали от эмоциональности, хотелось рассказать, поделиться. Мы были горды и за страну, и за самих себя лично. Мы выдержали испытание. Что же касается меня, то я начинал писать три раза. Первый раз — в десять лет. Это были глубоко пессимистические стихи о том, что молодость уже прошла, жизнь кончена. Меня разругали, высмеяли. Я обиделся и бросил...

— Второй раз начал уже на фронте. Стихи на этот раз были оптимистическими. Потому что я лежал тогда в болоте, осенью, шел снег с дождем — пессимизм в таких условиях невозможен. Тут наоборот бороться надо.

— После демобилизации мне посоветовали зайти в Литературный институт им. Горького. Уже месяц, как шли занятия. Стихи, переписанные от руки, я дал Надину, первому поэту, которого я увидел. И хотя приемная комиссия была давно распущена, меня приняли без экзаменов в литературный институт. Около четырех лет в армии я

не читал книг. В институте на подоконнике сидели мои сверстники, потрясенные войной. Ни о чем другом мы не могли говорить... За спиной — Европа, могилы.

Я читал. Я открывал для себя одного поэта за другим. Я не думал быть поэтом. Пришел Эренбург. Эренбург сказал: «Я заслушал двадцать человек. Я думал, Литинститут не нужен. Нужен: он готовит квалифицированных читателей».

В «Смене» мои стихи появились с предисловием Эренбурга. Потом на совещании молодых писателей обо мне тепло высказался Твардовский. Вскоре, в 1951 году, вышла книга «Стихи о долге». Тема — война.

После похвал, как ни парадоксально, я вдруг перестал писать стихи. Как отрезало. Ни строчки за пять лет. Вторая книга вышла только в 1956 году — «Синева». Процесс творчества управляемый, трудно постижимый процесс. Ничего не смог сделать! Не писалось, хоть плачь! До этого и в мыслях не было стать поэтом. Когда же я решил, что мой удел — литература, все кончилось! Нельзя себя считать профессионалом. Поэзия — не профессия, а состояние души.

— После выхода второй книги мне написал письмо Борис Пастернак, очень похвалил, позвонила Анна Ахматова (она подарилась мне пять своих книг с одобряющими надписями о том, что верит в меня).

Ахматова звонила часто, спрашивала, не писал ли я что-нибудь новое. Одну книгу она подписала: «Виноурову, от которого жду стиха».

— Что значит в Вашем понимании поэзия? В чем ее сущность?

— Не знаю ни одного определения поэзии, не знаю, что и когда дал ей формулировку такую, которая полностью исчерпала бы предмет. Я бы сказал о поэзии словами древнего мудреца, относящимися к понятию времени: «Я знаю, что это такое, но спросите меня — и я уже не знаю». И то, что поэзия не поддается определению, то, что она шире всякой формулировки, внушает мне надежду: поэзия — вещь бесконечно глубокая, бесконечно значительная...

Для меня поэзия — это прежде всего мысль. Мысль не стареет. Поэзия — это верховный акт мысли.

Но стихи и поэзия — вещи разные. Поэзия может пребывать в стихах, а может и не пребывать. Ценность поэта заключается в количестве «питаемых» вещей, содержащихся в его творчестве, а не в умении сколачивать коробки. Стихи, лишённые глубокой правды, превращаются в ненужный технический инструмент. Ведь сами по себе стихи — это ритмические коробки, пустые соты. Дело не в сотах, а в мёде, заключённом в них.

— Евгений Михайлович, расскажите, пожалуйста, о том, как родились стихи о Сережке с Малой Бронной.

— У этого стихотворения своя судьба. Оно положено на музыку и живет вот уже 27 лет. Мои ровесники, люди 1925 года рождения, ушли на фронт после девятого класса. Из одноклассников половина не вер-

нулась. Погиб мой друг Александр Волков. Второй мой друг, Гелий Ковальский, вернулся с тяжелым ранением в голову...

Я — москвич. Учился в школе на Арбате. Как написать такое, чтобы было просто и искренне? До этого пробовал: «Вчера мы писали диктанты...» и другие. А в 1953 году написал «Сережку...» Андрей Эшпай написал музыку. Он тоже 1925 года рождения, воевал. Брат его погиб на фронте. Мать ждет сына до сих пор. И жили они — совпадение! — на Малой Бронной. Марк Бернес спел. С тех пор поют. На днях включил телевизор — поют. Включил радио — поют. Мне это очень дорого.

— Евгений Михайлович, скажите, был ли у Вас самый счастливый день?

— Вот на этот вопрос я отвечаю стихотворением, которое недавно написал, оно еще нигде не опубликовано. Слушайте:

Мы уже комсоставу
не нозыряем в восторг.
Ворот не по уставу
расстегнут на гимнастерке!
Ждали победу
святую!
Так неужели же
это?..
Это я салютую
в небо
из пистолета!
Я думал: вот праздник в части,
кто же его позабудет?
Познал я однажды счастье...
Ну, а там будь
что будет.

И еще. Есть у меня одна радость. В нашу молодую русскую поэзию идут люди разных профессий, люди своеобразные, талантливые. В моей квартире часто собираются молодые поэты, некоторые из них — ваши земляки с Кубани. Хочу назвать молодого литератора, кубанца Николая Добрыху. Родился он в городе Ейске в 1951 году. Окончил МГУ имени Ломоносова. Экономист. Работает в Москве. Николай публиковался в журнале «Огонек», в газетах «Московский литератор», «Московский комсомолец» и других изданиях. В издательстве «Молодая гвардия» готовится к публикации его первый сборник стихов. О творчестве молодого поэта могу сказать так: Добрыху пишет в манере своеобразной, ни на кого не похожей. Его тянет к парадоксу, к афористической остроте, к сложности, к декларационности. Он только начинает, он ищет свою манеру — но то, что он идет путем, которым сейчас идут очень многие молодые поэты, мне представляется фактором положительным.

Добрыху тяготее к проблемам сегодняшнего дня, к злободневности, к проблемам мира и экологии. Он предпочитает ломающиеся ритмы, плакатность, разговорную интонацию.

— Евгений Михайлович, что Вы пожелаете молодым читателям газеты в новом году?

— Быть всегда радостными и добрыми, читать серьезную поэзию.

Беседу вел
М. ЛИСУН.
Фото автора.